

М. СКИБИЦКИЙ

БОГ И «ВЕРУЮЩИЕ» УЧЕНЫЕ

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

$$E=mc^2$$

ON

THE ORIGIN OF SPECIES

BY MEANS OF NATURAL SELECTION,

OR THE

PRESERVATION OF FAVORED RACES IN THE STRUGGLE
FOR LIFE.

By CHARLES DARWIN, M.A.,

CHANCELLOR OF THE EXCHEQUER, GREAT BRITAIN, ETC., ETC.

Author of "JOURNAL OF RESEARCHES INTO THE GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION OF ANIMALS AND PLANTS," &c.
LONDON: LONGMANS, GREEN, & CO., LTD., 21, BEDFORD SQUARE, W.C.2.

М. СКИБИЦКИЙ

**БОГ
И «ВЕРУЮЩИЕ»
УЧЕНЫЕ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976**

Скибицкий М. М.

С42

**Бог и «верующие» ученые.
издат, 1976.**

М., Полит-

110 с. (Беседы о мире и человеке).

Очень любят современные богословы ссылаться для доказательства совместимости науки и религии на имена великих естествоиспытателей. Ч. Дарвин, М. Планк, А. Эйнштейн, И. П. Павлов, К. Э. Цюлковский в их устах становятся убежденными верующими, чуть ли не защитниками религии.

А как обстояло дело в действительности? Для ответа на этот вопрос нужно проследить творческую биографию ученых, рассмотреть многочисленные события и факты их жизни, а главное — раскрыть взаимосвязь их мировоззрения и существа их научных теорий.

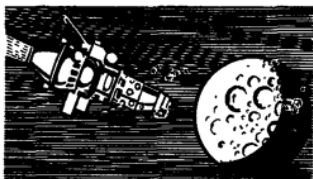
Кандидат философских наук М. М. Скибицкий в своей книге на обширном историческом материале дает обоснованный ответ на этот вопрос.

Книга рассчитана на самые широкие читательские круги.

С $\frac{10509-164}{079[02]-76}$ **285—76**

25

**КАК
ОТНОСИЛСЯ
К ВЕРЕ
В БОГА
Н. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ**

Есть в Библии книга о бедствиях праведника Иова. В ней рассказывается, что жил Иов счастливо, имел хороших детей, много имущества, крепкое здоровье. Но вот бог решил испытать его веру и разрешил сатане наслать на него всяческие бедствия. Погибли у праведника дети, лишился он всего имущества, порастил его сатана лютой болезнью. И спросил несчастный Иов всемогущего бога: «не сорванный ли листок ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?» (Иов., 13; 25).

Имя Иова стало нарицательным для обозначения бедствий человека.

Во второй половине XIX — первой половине XX века жил в России человек, которому за свою долгую жизнь пришлось перенести горестей не меньше, чем Иову.

Был он гениален. Его могучий ум бессмертными открытиями на многие десятилетия опередил

свое время. Свои дерзновенные планы подкреплял этот человек точнейшими математическими расчетами. Он делал множество диковинных моделей, чтобы проверить расчеты на практике. Но не получил он в царской России официального признания. А обыватели просто-напросто подсмеивались над ним.

Беды и горести в его жизни следовали прямо-таки одна за другой. В огне пожарища сгорели дом, имущество, рукописи, приборы. Дважды наводнение разрушало его скромное жилище, погибали книги, модели. Смерть уносила детей. Годовалого Леонтия убил коклюш. Саша умер взрослым. Ваня скончался в суровом 1919 году от заворота кишок. Дочь Анна заболела после рождения сына туберкулезом в голодном 1921 году и в следующем году умерла. Трагически погиб сын Игнатий. Был он способнейшим математиком: в гимназии прозвали его Архимедом. С гимназических лет из-за нужды давал он уроки недорослям в богатых семьях, натерпелся обид и оскорблений. В 1902 году, уже будучи студентом, Игнатий отравился.

И болезни не обошли человека, о котором идет речь: с девяти лет после скарлатины стал он полуглухим, страдал бронхитом и другими болезнями. И нужда, беспросветная, проклятая... Большая семья и крохотное жалованье, из которого нужно было выкраивать толику на научные опыты.

«На последний план я ставил благо семьи и близких. Все для высокого. Я не пил, не курил, не тратил ни одной лишней копейки на себя: например, на одежду. Я был всегда почти впроголодь, плохо одет. Умерял себя во всем до последней степени. Терпела со мной и семья...» — писал Константин Эдуардович Циолковский.

Это о нем, о гениальном самоучке, о скромном и душевном человеке, его вдохновенной и горестной жизни пойдет у нас речь. Как же он выстоял во всех невзгодах, превозмог глухоту, людское равнодушие, бедность? Как сумел остаться верным своей вере?

«А какая была у него вера,— спросит верующий,— наверное, христианская? Она-то и утешала, помогала все горести снести».

Давайте же посмотрим, во что верил Циолковский, чем вдохновлялся, что дало ему силы заслужить такое уважение и преклонение благодарных потомков. «Основной мотив моей жизни — сделать что-нибудь полезное для людей, не прожить жизнь даром, продвинуть человечество хоть немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы, но я надеюсь, что мои работы,— может быть, скоро, а может быть, и в отдаленном будущем — дадут обществу горы хлеба и бездну могущества», — писал Циолковский.

Этот мотив владел его душой с юности и до последних дней жизни. Нелегко было ему овладевать науками: мешала глухота. Через три года после поступления пришлось покинуть гимназию. «Учиться в школе я не мог. Учителей совершенно не слышал или слышал одни неясные звуки. Но постепенно мой ум находил другой источник идей — в книгах...» — вспоминал Циолковский.

Сначала он прочел отцовские книги по естествознанию и математике. Подлинными вратами учености стала для юноши «Физика» Адольфа Гано. Был в ней и большой отдел об аэростатах. Правда, автор писал, что все попытки добиться управления ими были безуспешны. Чтение «Физики» толкнуло юношу на изготовление различных механизмов: автомобиля, дви-

гающего струею пара, бумажного аэростата, наполненного водородом, и др.

Видя способности юного «изобретателя», отец посылает его в Москву. Может быть, там Константину удастся добиться успеха? И вот юный Циолковский в Москве. Полуглухой, без связей, без денег. Правда, отец присылает 10—15 рублей в месяц. Прожить можно.

Он снимает каморку, питается одним хлебом. Зато покупает книги, колбы, ртуть, серную кислоту. Проданы за бесценок даже связанные теткой несколько пар теплых чулок. Все деньги — на опыты. Но самое любимое место юноши — это библиотека Румянцевского музея. В ней он каждый день с открытия и до закрытия. Он штудирует высшую алгебру, аналитическую геометрию, сферическую тригонометрию... И увлекается кумиром всей передовой молодежи — Дмитрием Ивановичем Писаревым. «...Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе «Я», — вспоминал впоследствии Циолковский.

Он был счастлив. Его маленькая каморка — это чудесная лаборатория. Место грандиозных мечтаний, восторженных озарений. И в центре всех его мыслей — небо, таинственное и необъятное, ласковое и мрачное, бездонное вместилище звезд, планет, комет. Небо издревле влекло к себе человечество, оно вдохновило людей на создание легенды о Дедале и его сыне Икаре. Высоко в небо поднялись они на крыльях из перьев, скрепленных воском. Но солнце растопило воск, и Икар упал и разбился.

Где же взять такие крылья, чтобы преодолеть силу земного притяжения? Об этом непрестанно думал Циолковский.

Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Все тела притягиваются друг к другу. Чем больше масса тел и ближе расстояние между ними, тем сильнее это притяжение. Земля — огромное тело, и все брошенное с ее поверхности вверх притягивается обратно. Циолковский предпринял великий научный подвиг: решил найти путь преодоления могучих оков земного притяжения.

Циолковский вынужден вернуться в Вятку: отец выходил в отставку и не мог больше помогать сыну. Чтобы иметь постоянный источник существования, Константин Эдуардович сдает экзамен на звание учителя средней школы и получает назначение в Боровск.

Поселяется Циолковский в доме священника Соколова. Дочь последнего — Варвара Евграфовна — становится верным спутником жизни Константина Эдуардовича.

Циолковский учит детей в уездной школе и неустанно занимается наукой. Он разрабатывает теорию движения газов. Один студент отвозит его рукопись в Петербург в Русское физико-химическое общество Д. И. Менделееву. Оказывается, Циолковский открыл уже открытое. Но его путь самостоятелен. Видные ученые отмечают его трудолюбие и одаренность, избирают членом общества.

Увы, Циолковский не имел денег даже на уплату членских взносов в научное общество.

Он посылает в Петербург свое новое изыскание. Сам прославленный Сеченов пишет письмо в провинциальный Боровск, отмечая талантливость Циолковского.

В 1883 году Константин Эдуардович работает над рукописью «Свободное пространство». Он пишет о путешествии межпланетного корабля в космическом

пространстве, об удивительном поведении предметов внутри его в условиях невесомости. В этой рукописи ученый высказывает ряд мыслей о ракетном движении. Но эти идеи на время были отставлены, а Константин Эдуардович занялся разработкой проекта цельнометаллического аэростата.

В 1887 году в доме Циолковского появился неожиданный гость — Павел Михайлович Голубицкий. Он интересовался вопросами физики, был наслышан о необычном изобретателе-самоучке и хотел видеть Константина Эдуардовича.

Голубицкий потрясен: большая семья, крохотная квартира, во всем чувствуется страшная бедность. В таких условиях живет и трудится гениальный ученый, прокладывающий для человечества неизведанные пути в космос! Помочь, обязательно помочь этому удивительному человеку, решает Голубицкий. Он хочет познакомить Константина Эдуардовича с прославленным русским математиком Софьей Ковалевской. Но Циолковский заробел: он стеснялся своей глухоты, бедности, даже костюма подходящего не было, чтобы предстать перед такой знаменитостью.

Но Голубицкий все-таки помог: из Москвы от знаменитого русского физика А. Г. Столетова приходит Циолковскому приглашение сделать в научном обществе доклад о своем аэростате. И вот в одной из аудиторий Политехнического музея Константин Эдуардович выступает перед светилами науки. Вначале робует, мямлит, потом увлекается, говорит горячо, стройно, доказательно: лишь металлический аэростат, способный менять в полете свою форму, явится надежным средством передвижения в воздухе.

Доклад произвел впечатление. Циолковского поздравляли. Столетов обещал хлопотать о его перево-

де в Москву. Окрыленный ехал Константин Эдуардович домой. И попал на пепелище: при пожаре погибли рукописи, книги, имущество. А вскоре второй удар — Столетову не удалось устроить его перевод в Москву.

Оправившись от переживаний, Циолковский продолжает трудиться над своим детищем — металлическим аэростатом. Он посылает описание аэростата и расчеты Д. И. Менделееву, который передает их в VII отдел императорского Русского технического общества. В небольшой сопроводительной записке Менделеев отмечает талантливость автора рукописи.

Проект Циолковского обоснован, точно рассчитан математически. Константин Эдуардович просит оказать ему материальную помощь для опытов в размере 300 рублей. Сумма мизерная для проекта первого в мире управляемого металлического аэростата. И... получает отказ.

В 1892 году происходит радостное событие. Увидела свет книга Циолковского «Аэростат, металлический управляемый. Выпуск первый». Издавалась книга на собранные в складчину деньги: 100 рублей внес Константин Эдуардович, по 30 рублей добавили несколько сочувствующих ему жителей Боровска. Мир не без добрых людей.

Увы, из 400 экземпляров книги за целый год было продано... всего 13 штук. А пресловутый VII отдел опять отклонил его проект: некоторым специалистам, видите ли, казалось, что из-за сопротивления воздуха скорость аэростата будет ничтожно мала.

В 1892 году Циолковского переводят работать в Калугу. Он преподает арифметику и геометрию. Ученики любят его уроки: на них цифры, треугольники, кубы, окружности будто бы оживали. А какие чудесные опыты ставились на его уроках!

Но особенно интересно было у него дома: здесь сверкали электрические молнии, гремели громы, электрический осьминог хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы, надутый водородом и уравновешенный бумажной лодочкой с песком резиновый мешок бродил, как живой, из комнаты в комнату.

Но каждую свободную минуту Константин Эдуардович отдавал научным изысканиям. Нужно, крайне нужно изучить сопротивление воздуха движению аэростата. А для этого необходима аэродинамическая труба, воздуходувка, как он сам ее называл. В ней можно успешно испытывать модели.

Но вставал старый, надоевший вопрос: где взять деньги? Хоть немного... Он обращается за помощью в Русское физико-химическое общество: просит всего лишь 200 рублей. Следует отказ. Значит, придется урезать и без того скудный бюджет семьи, в которой шестеро детей.

Преодолев неимоверные трудности, Циолковский все-таки «сотворил» воздуходувку своими руками. Она заняла добрую половину комнаты, и ему самому пришлось спать на верстаке. Теперь за опыты! Во время их проведения в доме строжайший режим: никто не имел права входить или выходить, так как раскрытые двери создавали потоки воздуха.

В 1896 году Циолковский ознакомился с крохотной, всего на восемь страничек, брошюрой. Ее автор, безвестный студент А. П. Федоров, писал о том, как можно проникнуть в далекие космические дали. Ракета — вот тот волшебный корабль, который способен разорвать оковы земного притяжения: ведь она не нуждается в опоре на воздух, движется за счет выходящей из нее струи газов.

Вновь оживают у Циолковского идеи ракетного

движения, изложенные им более десятка лет назад. Но эти идеи не воплотишь в проект без точнейшего и сложнейшего математического расчета. И Циолковский садится за эти расчеты. 10 мая 1897 года он выводит формулу о зависимости между скоростью ракеты в данный момент, скоростью выхода из сопла газов, массой ракеты и массой взрывного материала. Формулу, названную впоследствии его именем.

Циолковский закладывает краеугольный камень в фундамент космонавтики. В его маленьком домике в Калуге загорается заря космической эры.

Но судьба обрушивает на Циолковского новый страшный удар: в 1902 году кончает жизнь самоубийством сын Игнатий. Тяжелое горе на долгие годы сжимает душу Константина Эдуардовича.

Словно какой-то рок преследует его научные статьи. Рукопись «Исследование мировых пространств реактивными приборами» передана М. М. Филиппову, человеку широко образованному, редактору журнала «Научное обозрение». Он по достоинству оценил эпохальное значение выводов Циолковского. Но на дыбы встала царская цензура: автор дерзко вторгается своими приборами в небесные владения всевышнего. Не разрешать печатать.

Выручил совет Д. И. Менделеева, учителя Филиппова. Он предложил сказать цензору, что дело в статье идет о ракетах, а они, мол, могут быть использованы на торжествах в честь царских особ. Это убедило.

И вот глубоко взволнованный Циолковский держит в руках майский номер «Научного обозрения» за 1903 год. Статья напечатана. Его страдания, подвижничество, мучения не пропали даром. Теперь человечество будет знать: дорога в космос может быть проложена.

И вдруг — новая катастрофа. В июне при таинственных обстоятельствах в своем кабинете погиб профессор Филиппов. Полиция конфисковала последний номер журнала и все имевшиеся в редакции рукописи. Циолковский бросился в Москву. Увы, вторая часть его труда пропала бесследно.

Константин Эдуардович все же ждет откликов на статью. Не может быть, чтобы она прошла незаметно, как и прежние его работы. Он ждет напрасно: откликов нет. Им по-прежнему никто не интересуется.

А в 1908 году два тяжелых удара кряду. Весной во время половодья наводнение затопило небольшой дом, купленный на скопленные за долгие годы гроши. Погибли книги, приборы... Большие надежды возлагал Циолковский на рукопись, посланную в Москву профессору Н. Е. Жуковскому. Она содержала подробное описание проведенных опытов по сопротивлению воздуха и расчеты. Но единственный экземпляр рукописи затерялся при пересылке.

После этого Циолковский все пишет под копирку. Лучше бы, конечно, перепечатывать на машинке, да, как всегда, нет денег.

Только в 1911 году вторая часть труда Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» начинает печататься в «Вестнике воздухоплавания». Публиковалась она с продолжением, во многих номерах. Циолковский получает восторженные отзывы от читателей, инженеров.

Но что дает это признание? Ему 55 лет. За плечами тяжелая жизнь, полная лишений. А он, как и раньше, нищ. Нет средств, чтобы закончить модель металлического аэростата, шире развернуть нужные опыты, да и просто хоть немножко, хоть чуть-чуть улучшить жизнь семьи.

Тут можно было озлобиться, проклясть весь мир, сойти с ума от людского равнодушия, косности научных учреждений царской России. Или бросить все и уйти в религию, в монастырь, на край света...

Но Циолковский не озлобился. Не потерял веры ни в людей, ни в себя. Выстоял. Что же помогло ему? Прежде всего само научное творчество, его дерзновенные мечты овладеть небом. Пусть они не получили должного признания, сочувствия. Пусть... Он живет радостью творчества, радостью высокой мысли, идеалами служения человечеству. «Жизнь несла мне множество горестей, и только душа, кипящая радостным миром идей,— писал Циолковский,— помогла мне их перенести».

А близкие и друзья?! Разве можно отчаиваться, когда есть на белом свете такие друзья, как родная Варенька, дети, самоотверженная М. И. Панова, всегда готовая дать приют бедствующей семье, страстно желавшие помочь Циолковскому учитель Е. С. Чертков и П. М. Голубицкий, В. И. Асонов, автор работы «Галилей перед судом инквизиции», и пылкий и восторженный П. П. Канинг, верный помощник и ассистент!

Ну, а вера, христианская вера? Как относился к ней Циолковский?

Предоставим для ответа на этот вопрос слово самому великому ученому. «Несмотря на то, что я был проникнут современными мне взглядами, чистым научным духом, материализмом, во мне одновременно уживалось и смутно шевелилось еще что-то непонятное»,— писал Циолковский в своей автобиографической записке.

Значит, с одной стороны, чисто научные взгляды, с другой — что-то смутное. Почему же возникало это

смутное и в чем оно выражалось? Предоставим опять слово самому ученому.

«Я чувствовал себя далеко не ладно... Был очень одинок. Стал впадать в отчаяние. Увлекался ранее евангелием. Придавал огромное значение Христу, хотя никогда не причислял его к сонму богов. Я видел и в своей жизни судьбу... С чисто материальным взглядом на вещи мешалось что-то таинственное, вера в какие-то непостижимые силы, связанные с Христом и первопричиной. Я жаждал этого таинственного. Мне казалось, что оно меня может удержать от отчаяния и дать энергию», — вспоминал Константин Эдуардович в той же записке.

Мы видим, что в мировоззрении Циолковского в дореволюционное время наряду с научными взглядами имелись и мистические, религиозные наслоения. Их источник — влияние окружающей среды, груз воспринятых в юности религиозных представлений, а также пережитые горести, беды, неудачи.

Но вот что важно отметить — даже в те годы ученый был весьма далек от признания основных христианских догматов. Товарищам он доказывал, что Христос не бог, а «только добрый и умный человек». В беседе с одним учителем в Боровске Константин Эдуардович сказал, что Христовы чудеса можно всегда объяснить научным путем. На него донесли директору училища в Калугу, и тот вызвал учителя к себе для объяснений.

Между ними, по воспоминаниям Циолковского, произошел такой разговор:

«Правда ли, что вы при свидетелях говорили про Христа то-то и то-то?

— Правда, но ведь это есть в Евангелии Ивана.

— Вздор, такого текста нет и быть не может!!
Имеете ли вы состояние?

— Ничего не имею.

— Как же вы, нищий, решаетесь говорить такие вещи!

Я должен был обещать не повторять моих «ошибок» и только благодаря этому остался на месте... чтобы работать. Выхода, по моему незнанию жизни, никакого другого не было. Это незнание прошло через всю мою жизнь и заставляло меня делать не то, что я хотел, много терпеть и унижаться»¹.

Октябрьская революция круто изменила жизнь Циолковского. В августе 1918 г. Социалистическая академия общественных наук избрала его своим членом-соревнователем. В июне 1919 года Русское общество любителей мироведения избрало его своим почетным членом. В октябре 1921 года Комиссия при Наркомпросе установила Циолковскому двойной академический паек. 9 ноября того же года Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил назначить Циолковскому пожизненную пенсию ввиду особых заслуг ученого-изобретателя.

Наконец-то наступило время, когда Циолковскому не надо было думать о хлебе насущном. Он оставляет работу в школе. Все свои усилия он сосредоточивает на научной и общественной деятельности.

Октябрьскую революцию ученый встречает с огромной радостью. «С величайшим восторгом и удовлетворением принял я весть о победе Ленина и его партии,— говорил он.— Я верил, что для науки и работников ее начнется новая эра. И я не ошибся...»

¹ К. Э. Циолковский. Моя жизнь.— «Огонек», 1960, № 37, стр. 10.

Циолковский трудится так, словно обретает вторую молодость. За годы, прожитые при Советской власти, он опубликовал более 100 работ.

Циолковский пишет статьи и брошюры. Его труды издаются в Москве и Петрограде, переводятся на иностранные языки. Он осуществляет руководство изготовлением большой модели дирижабля, читает лекции молодежи, выступает в клубах и школах. К нему со всей страны едут инженеры, энтузиасты космонавтики: путь в космос идет через Калугу.

В 1932 году в Москве в Колонном зале Дома союзов торжественно отмечается его 75-летие. За выдающиеся заслуги перед Страной Советов Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Трудового Красного Знамени. В связи с юбилеем Калужский горисполком подарил Циолковскому новый, более просторный дом. Когда Константину Эдуардовичу сообщили об этом, он с улыбкой пошутил: «Все правильно. Нам так и положено, пролетариям: последние да будут первыми».

За неделю до смерти Константин Эдуардович обратился с письмом-завещанием в Центральный Комитет партии. Все свои труды по авиации, ракетоплаванию, межпланетным сообщениям завещал он Коммунистической партии и Советской власти. Он выражал твердую уверенность, что его замыслы будут воплощены в жизнь. И не ошибся. В 1957 году, в год столетнего юбилея со дня рождения ученого, в небо поднялся первый в мире искусственный спутник Земли — советский спутник. Началась космическая эра.

В ходе научного творчества в условиях социалистической действительности укреплялось научное мировоззрение Циолковского, исчезали имевшие ранее место религиозные наслоения. В том же 1928 году, когда И. П. Павлов написал письмо священнику Кон-

дятьеву о своем отношении к религии, Циолковскому корреспондентом калужской газеты «Коммуна» был задан вопрос, почему он не верит в бога. 14 апреля того же года в газете была опубликована беседа Константина Эдуардовича с корреспондентом.

«Что прежде всего понимать под верой в бога? — начал Константин Эдуардович. — Темная, неразвитая крестьянка богом считает картину — икону. Другие под богом подразумевают бессмертного старца, восседающего на облаках. Третьи считают богом доброе начало в жизни, определяющее нравственные правила человека. Вообще каждый представляет бога по-своему и по-своему верит в него.

Таким образом, бог есть порождение человека. Человек создал представление о боге, чтобы посредством его объяснять то, чего не может еще объяснить разум, и чтобы иметь надежду на лучшую жизнь, которая-де зависит от божества.

Но это средство несовместимо с наукой, которая основывается на достоверных знаниях... Мой разум не оставляет места для веры в необъяснимое, для веры в сверхъестественное существо. Тем более он враждебен всей религиозной мишуре — почитанию бога, обрядам, служителям культов»¹.

Циолковский ясно видел, что по своему существу христианские культовые действия ничем не отличаются от примитивных дикарских обрядов древних людей. Он писал о таинствах причащения, соборования, брака: «...Если съешь кусочек хлеба с вином или без вина, то будешь в будущем счастлив и избавишься от наказания за сделанные тобою преступления. Если пома-

¹ «Вера в бога несовместима с наукой». Беседа с Константином Эдуардовичем Циолковским. — «Коммуна», 14 апреля 1928 г.

жеешься ароматическим маслом, то выздоровеешь, если совершишь ряд ни к чему не ведущих обрядов, то можешь заключить союз с женщиной, в противном случае — нельзя. Эти обычаи ничем не отличаются от веры в три свечи, в сны, в 13-е число, в почесывания и разные другие приметы».

В 1932 году Константин Эдуардович трудился над статьей «Мысли безбожника». Он не окончил ее, черновой вариант хранится в архиве Академии наук. Статья отличается ярко выраженным атеистическим характером. Циолковский писал: «Нет бога-творца, но есть космос, производящий солнца, планеты и живых существ... Нет души, но есть бессмертная материя, из которой составлено каждое животное... Нет воскресения, но оживают погасшие солнца и рассеянные планеты, разрушаются и восстанавливаются девяносто элементарных атомов, оживает непрерывно и безгранично вещество Земли, преобразуясь в растения и животные».

Мы видим, что здесь ученый прямо противопоставляет основы научного взгляда на мир основным догматам религии.

Не мог согласиться Циолковский с утверждением, что страх перед вечными загробными муками служит тормозом для совершения аморальных поступков. Он считал, что за все содеянное возмездие ждет нас в земной жизни.

«Если вы убили, вам мстят, сделали дурное — вас наказывают или частные лица отплачивают тем же. Жестоки к близким, к друзьям — они оставляют вас, умирают, болеют, и вы всю жизнь терзаетесь раскаянием о сделанном уже непоправимом зле. Все это надо подробно объяснить людям. Картина предстоящих наказаний, как прямого, неизбежного и естест-

венного последствия ошибок, должна скорее устрашить их, чем сомнительные загробные муки...»

Освобождение человека от духовного гнета религии ученый рассматривал как важное средство раскрытия всех его творческих начал.

В предисловии к одной из своих работ, изданной в 20-е годы, Циолковский писал: «В мои годы умирают, и я боюсь, что вы уйдете из этой жизни с горестью в сердце, не узнав от меня (из чистого источника знания), что вас ожидает непрерывная радость. Вот почему я пишу это резюме, не окончив еще многочисленные основные работы. Мне хочется, чтобы эта жизнь ваша была светлой мечтой будущего, никогда не кончающегося счастья. Моя проповедь, в моих глазах, даже не мечта, а строго математический вывод из точного знания.

Я хочу привести вас в восторг от созерцания вселенной, от ожидающей всех судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома. Это увеличит ваше здоровье, удлинит жизнь и даст силу терпеть превратности судьбы»¹.

Это высказывание великого ученого проникнуто глубокой заботой о счастье людей, об их духовной, нравственной силе и стойкости.

«Вот, вот,— слышится нам возглас верующего,— и Христос обращался ко всем страдающим, хотел их утешить. Ведь в евангелии Христос говорит: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и я успокою вас» (Матф., 11; 28). Конечно, Циолковский был великий ученый и великий подвижник: он терпеливо и смиренно нес крест своей жизни. И христианская вера

¹ К. Циолковский. Монизм вселенной (Конспект.— Март 1925 г.). Калуга, 1925, стр. 3.

имеет в своей истории великих подвижников, отшельников, затворников, которые, если нужно было, принимали во имя идеи мученический венец».

Нет. С этим сравнением мы никак не можем согласиться. Совсем не похож Циолковский на религиозного схимника, укрывавшегося в одинокой келье, пещере или пустыни от противоречий жизни и пекшегося в одиночку о спасении своей души. Благо, счастье человечества — вот ради чего неустанно трудился Циолковский. И не обладал он христианскими добродетелями — покорностью, смирением, самоуничижением. Был он застенчив, но горд. Никогда ни перед кем не унижался, не терпел проявлений жалости к себе и сам уважал в людях достоинство. Не презирал он красоты и радости земной жизни. Любил природу и необъятное звездное небо, прогулки по лесу и по реке в лодке. Любил он и общение с людьми, ценил самоотверженность дружбы и товарищества. Хотел он видеть людей счастливыми и сильными духом. Как он сам.

**Скибицкий
Марк Михайлович
Бог и «верующие» ученые**

**Заведующий редакцией
А. В. Белов**

**Редактор
Т. И. Трифонова**

**Младший редактор
Г. И. Жарикова**

**Художник
Е. П. Суматохин**

**Художественный редактор
В. А. Тогобицкий**

**Технический редактор
Н. П. Межеричная**

Сдано в набор 13 января 1976 г. Подписано в печать 12 марта 1976 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 4,9. Учетно-изд. л. 4,36. Тираж 200 тыс. экз. А00341. Заказ № 341. Цена 15 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

